

О.В. Петрова

**ПОЧЕМУ АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ОПАСЕН ДЛЯ ЯЗЫКА,
МЫШЛЕНИЯ И УСТОЙЧИВОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОДА**

© Петрова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, 603155, ул. Минина, 31а.

E-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1781-7853>

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается проблема использования компьютерных переводов в средствах массовой информации. В результате установки редакций на получение переводов с минимальными финансовыми и временными затратами публикуется большое количество нередрактируемых или поверхностно редактируемых компьютерных переводов. Это приводит к тому, что сообщения, написанные с нарушением всех правил построения текстов, начинают восприниматься как нечто нормальное. В результате формируется новый узус, который допускает нарушение основных лексических и грамматических норм русского языка, что, в свою очередь, ведет к размыванию понятия текста как единого структурного и семантического целого. Отсутствие в рассчитанных на массового читателя информационных сообщениях таких текстообразующих факторов, как когезия, когерентность, логическая и структурная завершенность, приучают читателей к тому, что текст – это некая совокупность высказываний, объединенных лишь общей предметно-тематической отнесенностью. В статье рассматривается деструктивное влияние этих процессов на мышление носителей языка, на формирование в их сознании целостной концептуальной и языковой картины мира. Поскольку национальная картина мира лежит в основе национальной культуры, разрушение ее целостности влияет на устойчивость национального геополитического кода, одной из составляющих которого является язык. Таким образом, речь идет о лингвистической безопасности страны. Поэтому предлагается выработать критерии, которым должен соответствовать текст перевода, независимо от технологии его создания, для того чтобы его можно было размещать в электронных и бумажных массовых изданиях, и ввести соответствующие стандарты.

Ключевые слова: компьютерный перевод, языковая норма, узус, текст, мышление, геополитический код, лингвистическая безопасность.

Цитирование. Петрова О.В. Почему автоматический переводчик опасен для языка, мышления и устойчивости геополитического кода // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 1. С. 161–167. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-1-161-167>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-161-167
UDC 81'322.4:81'26:81'272

Submitted: 11/XII/2018
Accepted: 14/I/2019

O.V. Petrova

WHY AUTOMATIC TRANSLATION IS HARMFUL FOR LANGUAGE, THINKING AND STABILITY OF GEOPOLITICAL CODE

© Petrova Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of Theory and Practice of English and Translation, Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31a, Minina Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation.

E-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com. ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1781-7853>

ABSTRACT

The article discusses the problem of computer-translated texts being widely used by mass media. Because of editors' striving for cost and time efficiency a lot of unedited or superficially edited machine-translated texts are published today. As a result people get accustomed to reading texts that violate basic rules of composition and textuality, so they stop feeling that such texts deviate from the norm and perceive them as regular. In this way a new usage is being gradually formed, contradicting standard norms of Russian grammar and combinability. This new usage leads to the erosion of the very notion of text as a structural and semantic whole. The absence of such basic categories as cohesion, coherence, logical and structural completeness gives the general readers the impression that a text is just an arbitrary collection of sentences united only by a common topical area. The article describes the destructive effect of these processes upon the mentality of native speakers, shows how they hamper the formation of a consistent conceptual and linguistic world-image. Since a nationally specific world-image is a basis of national culture, its erosion affects the stability of the national geopolitical code, of which the national language is an integral part. Therefore, linguistic safety of the country is directly involved. That is why it is necessary to specify the requirements to any translated text, irrespective of the way in which the translation was made, for it to be acceptable for mass publication either on-line or in press. It is necessary to develop and introduce a quality standard.

Key words: machine translation, language norm, usage, text, thinking, geopolitical code, linguistic safety.

Citation. Petrova O.V. *Pochemu avtomaticheskii perevodchik opasen dlya yazyka, myshleniya i ustoychivosti geopoliticheskogo koda* [Why automatic translation is harmful for language, thinking and stability of geopolitical code]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 1, pp. 161–167. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-1-161-167> [in Russian].

Введение

Сегодня много говорят и пишут о приближении эры компьютерного перевода. Ili, Pilot, Travis the Translator, iTranslate Voice, SayHi, WayGo, TripLingo, Papago... Переводящие устройства и приложения всех мастей якобы грозят вытеснить профессиональных переводчиков, лишит их работы. Интернет пестрит броскими заголовками: No more language barriers between people! (Между людьми больше нет языковых барьеров!), A Computer Can Now Translate Languages as Well as a Human! (Теперь компьютеры могут переводить так же хорошо, как люди!) и т. д. Правда, у всех этих устройств есть ограничения. Иногда результаты перевода вызывают смех, иногда неловкость. Не так давно одна моя знакомая, не говорящая по-английски, беседовала с американцем. Он не знал ни одного русского слова, но у него был карманный переводчик. Они обсуждали новый iPhone, который американец подарил этой даме. Она сказала: «Просмотрев список его функций, я заметила, что некоторые из них есть в моем стареньком планшете». Когда ее собеседник получил перевод, на его лице отразились недоумение, обида и возмущение.

Он тут же перевел ее ответ обратно и показал ей русский текст: «Если посмотреть его функции внимательнее, то станет ясно, что это дерьмо». Судя по его реакции, обратный перевод достаточно точно соответствовал первоначальному переводу на английский язык. Акт коммуникации, мягко говоря, не состоялся, и причина этого очевидна: недостатки программы. Что-то там не так с определением семантических групп, с выбором лексико-семантических вариантов и т. д. Если сюда добавить проблемы перехода со звукового варианта на графический и обратно, то список причин возможного сбоя значительно расширяется. Но это все нестрашно: это технические проблемы, и они, конечно же, рано или поздно будут решены. Концептуальные же проблемы машинного перевода и реальные опасности его использования сегодня на том уровне несовершенства, на котором он находится, заключаются совсем в другом.

Постановка проблемы

Начнем с проблем концептуальных. Принципиальная разница между переводчиком-человеком и переводчиком-машиной состоит в том, что даже

самый плохой переводчик-человек понимает (пусть иногда и не совсем верно) смысл текста, который он переводит. А переводчик-машина — нет. Человек, в отличие от машины, может заметить реакцию получателя, а поняв, что произошел сбой, что-то исправить, чего компьютер сделать не может. Переводчик-человек работает не просто с текстом, а с текстом, погруженным в определенную коммуникативную ситуацию [Сдобников 2015], формализовать параметры которой вряд ли представляется возможным. Это не просто сопоставление цели и времени создания оригинала с целью и временем создания перевода, совпадение или несовпадение адресата оригинала и получателя перевода и т. д., что обычно выявляется в процессе так называемого предпереводческого анализа и что обязан учитывать переводчик-человек (хотя и сам по себе список параметров такого анализа тоже достаточно обширен — см., например, [Nord 2005]). В ситуации устного перевода это, скажем, может еще быть учет того, знакомы ли между собой коммуниканты или нет, какие у них отношения, чего каждый из них может ожидать от другого. К примеру, переводчик-человек вряд ли перевел бы слова моей знакомой так, как это сделал компьютер, уже хотя бы потому, что он бы понимал: в ситуации, когда вежливый, воспитанный человек благодарит за подарок, он такого сказать не может. И он бы уточнил, переспросил, правильно ли он понял сказанное. В ситуации письменного перевода это может быть знание предыстории, того, что уже говорилось или писалось автором по этому поводу, и многое другое, чего просто не может учитывать компьютерный переводчик. При этом речь не идет о художественном переводе, где необходимо выявлять авторскую эстетику, соотносить переводимое произведение со всем творчеством писателя и т. д. Пока что, к счастью, о машинном художественном переводе никто всерьез даже и не помышляет.

Разумеется, не все «живые» переводчики всегда учитывают абсолютно все привходящие факторы. Иногда они просто не располагают такой информацией и возможностями для ее получения. Но настоящий профессиональный переводчик учитывает даже и само отсутствие у него этой информации. Поэтому и не может быть однозначного ответа на вопрос, когда машина заменит переводчика-человека. Плохого, по-видимому, скоро. Хорошего, скорее всего, никогда.

Фактическое положение дел

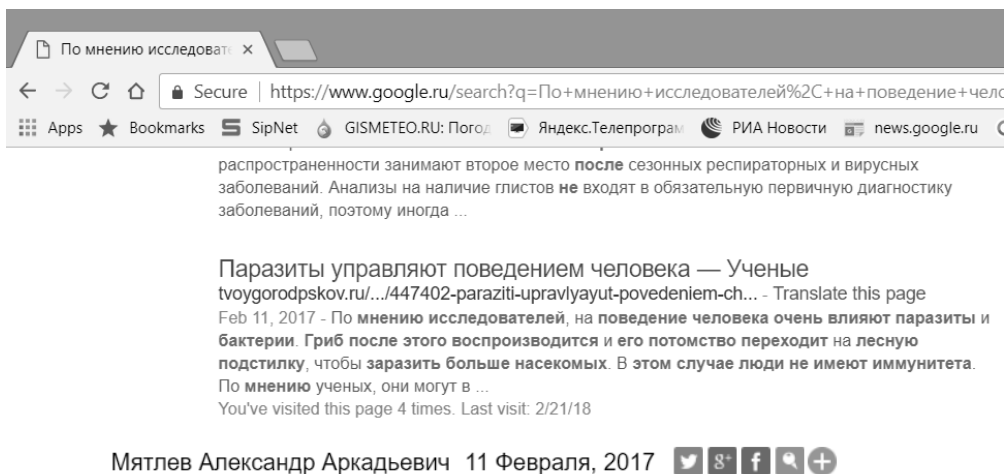
Но это — концептуально. А на деле компьютерный перевод уже давно используется, причем достаточно широко. И используется отнюдь не так, как поначалу, когда это было всего лишь вспомогательное техническое средство, позволявшее понять, о чем идет речь в тексте, который, возможно, и переводить-то не нужно будет. И даже не как основа для последующего серьезного редактирования. А просто как экономически выгодная замена переводчика-человека. Неотредактированные

плоды компьютерного перевода размещают на лентах новостей, на всевозможных новостных сайтах; в компьютерном переводе появляются научные статьи, записи всевозможных дискуссий и т. д. Узнать такой перевод легко. Во-первых, по калькированным грамматическим конструкциям, либо абсолютно не соотносящимся ни с какими конструкциями русского языка, либо совпадающим с такими, которые никак не могут быть употреблены в данном семантическом и грамматическом контексте. Можно ли, например, сомневаться в происхождении такого «русского» предложения: *Зимние штормы, как правило, приносят более мягкую, если более дикую погоду в Европу?* Во-вторых, они легко распознаются по отсутствию смысла, как, скажем, в таком примере: *Другая разрушительная практика, особенно для единого описания аудиовизуального перевода, состоит в том, чтобы разделить литературные теории от нелитературных теорий перевода, если это не интересно или возможно теоретизирует обоих в то же время.*

Оставим в стороне вопрос о том, насколько использование таких переводов целесообразно (помимо, разумеется, экономии денег и времени). Посмотрим, что происходит, когда люди их читают.

Прежде всего у получателей таких переводов размывается представление о тексте как о чем-то целостном, связном, структурно организованном. Чтобы не оставалось сомнений в том, что далее анализируются подлинные тексты, не подвергшиеся в процессе написания этой статьи никакой специальной обработке, ниже приводится снимок экрана, на который выведен один из них, и — на случай, если к моменту публикации статьи текст будет удален, — еще один снимок — с месторасположением этого текста (см. рис.).

Ни по каким параметрам, известным нам из теории текста, данное речевое произведение текстом не является. Отсутствует целостность как логико-семантическая, грамматическая и стилистическая соотнесенность и взаимозависимость составляющих его элементов (слов, предложений, сверхфразовых единств). Отсутствуют когерентность и когезия, логическая и структурная завершенность, предполагающая проспекцию, ретроспекцию и другие неотъемлемые свойства текста (см., например, [Земская, Качесова, Комиссарова и др. 2010]). Нарушена лексическая сочетаемость («очень влияют», «побудить зомби-апокалипсис», «делать самоубийство»). Такие цепочки словоформ, как «заражен ею через контакт с кошкой, фекалии (или есть сырого мяса)», не оставляют сомнений в том, что это компьютерный перевод. При этом возникает вопрос: возможно, так бессвязно был написан сам оригинал? Ведь никакой компьютерный переводчик не меняет структуры текста. Однако анализ того, что приводит к бессвязности внутри каждого абзаца, полностью реабилитирует исходный текст. Бессвязность появляется за счет возникающей в результате синтаксического калькирования неверной прономинально-субстантивной соотнесенности (получается, что чем-то может быть заражен

По мнению исследователей, на поведение человека очень влияют **паразиты** и бактерии. Гриб после этого воспроизводится и его потомство переходит на лесную подстилку, чтобы заразить больше насекомых.

В этом случае люди не имеют иммунитета. По мнению ученых, они могут в дальнейшем побудить зомби-апокалипсис. Этот **паразит** не может закончить собственный жизненный цикл в организме человека, однако он может быть заражен ею через контакт с кошкой, фекалии (или есть сырого мяса). Но уже сейчас им удалось узнать, что такой **паразит**, как **токсоплазма**, которая передается от кошек, способна превратить человека в зомби. Учёные отмечают, что процент инфицированных людей по всей планете доходит 30/40 процентов. Франция имеет уровень заражения ошеломляющий — 81%, Япония 7%, а в США 20%. Кроме того, зараженные этим **паразитом** люди могут покончить с собой либо стать предпосылкой массовых ДТП. Также велика вероятность появления несчастных случаев, например автокатастрофы, инициатором которой и становится зараженный токсоплазмой мужчина. Они также являются не менее агрессивными и не менее ревнивыми.

Черви волосатики заставляют делать самоубийство. Есть мнение, что Т. гондий может являться предпосылкой аутизма, обсессивно-компульсивного нарушения, биполярного расстройства, деменции. Поэтому вирус начинает вырабатывать токсины, которые разрушительно влияют на сознание и поведения человека. Результаты исследования были размещены на страницах известного научного издания.

Рис. Снимок экрана с текстом

паразит, причем заражен «*ею*», хотя ни одного существительного женского рода до этого не было; «*паразит... способна заразить*»), неверного управления («*доходит 30/40 процентов*», «*есть сырого мяса*») и т. д. Если все это исправить, то текст — по крайней мере, внутри второго, основного абзаца — оказывается вполне связным. А дальше в то, что касается структуры, связи между абзацами, уже вмешивается так называемый человеческий фактор. Судя по заключительному предложению на счет того, где были размещены результаты исследования, читателю предложена не вся статья, а некий ее реферат. И то, как он составлен, как нельзя лучше отражает процессы, происходящие сегодня в области того, что можно было бы назвать текстовым мышлением, поскольку «в тексте заключена речемыслительная деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие» [Валгина 2003, с. 6].

Интернет заполнен текстами, в которых нет ни согласования, ни управления, ни логических связей (впрочем, последние иногда бывают, но совершенно произвольные, никак не вытекающие из общего смысла). Посмотрим на фрагменты одного и того же сообщения, имеющего один и тот же англоязычный источник, но размещенного на разных сайтах:

«В Англии из-за врачебной ошибки 61-летняя пациентка потратила все семейные сбережения. Но через год с момента постановки диагноза ей проинформировали противоположную информацию и признали, что ничего чудовищного с ней не случилось... Медперсонал посчитали, что британке осталось жить около 5-ти лет. Затем они направились в путешествие, на которое потратили 1,5 тысячи фунтов (120 тысяч рублей)».

«Как пишут западные корреспонденты, после того, как медперсонал проинформировали 62-летней британке, что у нее лобно-височная деменция

и что жить ей осталось около 5-ти лет, та, посоветовавшись со своим мужем, решила потратить все скопленные деньги».

Поскольку наряду с этим есть сайты, на которых представлен полноценный перевод этого текста, где информацию не информируют, а сообщают, заболевание диагностировали не ей, а у нее, где посчитали не медперсонал, а врачи, где понятно, кто именно отправился (а не направился) в путешествие, и т. д., совершенно очевидно, что процитированные «тексты» создавались не без помощи автоматического переводчика. Судя по тому, что эти сообщения скомпонованы несколько по-разному, они явно подверглись какому-то постредактированию. Значит ли это, что редактор просто не заметил всех нарушений нормы, узуса и логики? Или теперь уже человек-переводчик (он же часто и редактор) и сам так пишет?

Подобным образом выглядят не только короткие информационные сообщения, но и достаточно объемные материалы (скажем, отчет об обсуждении проблем в рамках проекта палеоклимата «Миллениум», из которого позаимствована фраза насчет «более мягкой, если более дикой погоды»). По некоторым формальным признакам есть основания полагать, что в одном и том же тексте могут присутствовать фрагменты, переведенные человеком (о чем свидетельствуют ошибки, которых просто не может сделать компьютер), фрагменты, переведенные автоматически, и фрагменты, подвергшиеся постредактированию, причем в ряде случаев человеком, не знакомым с оригиналом.

В чем опасность существующей ситуации

Однако в данной статье речь идет не о качестве перевода и не о квалификации переводчиков. Речь идет о том, как использование таких текстов — и в первую очередь в средствах массовой информации — влияет на то, что происходит с нашим языком и мышлением. Мы много говорим и пишем о клиповом характере мышления новых поколений, о фрагментарности их мышления, об отсутствии способности устанавливать ассоциативные и логические связи между фактами, явлениями, событиями, о том, почему это происходит и к чему это ведет (см., например, [Петрова 2017]). Такой тип мышления опасен для целостности концептуальной картины мира, которая, по определению С.Г. Воркачева, будучи совокупностью концептов, составляет национальную картину мира, «представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности...» [Воркачев 2011, с. 64]. При этом, как отмечает Ф.Г. Самигулина, характер формируемой концептуальной картины мира определяет основу как индивидуального, так и общественного сознания. Более того, именно в концептуальной картине происходит взаимодействие трех уровней отражения мира: личностного, национального и общечеловеческого [Самигулина 2010].

Но как может формироваться целостная, связанная картина мира, являющаяся одной из основных составляющих национальной культуры, если новые поколения воспитываются на текстах, подобных процитированным? На текстах, которые представляют собой набор высказываний, не связанных между собой структурно, логически, а иногда даже и тематически. Более того, компьютерный перевод, при котором исходные конструкции калькируются, уже привел к тому, что в текстах (особенно во всевозможных информационных сообщениях, появляющихся на экранах телевизоров в виде бегущей строки) нарушаются нормы актуального членения предложения. Под влиянием англоязычной грамматики, где рема чаще всего маркируется неопределенным артиклем, а поэтому может стоять в предложении там, где это предписано фиксированным порядком слов, в русскоязычных текстах рема также уже устойчиво появляется не после сказуемого, а в самом начале предложения. В результате размывается представление о тематической структуре, о функциональной перспективе предложения, и представители молодого поколения сплошь и рядом не могут объяснить, в чем разница между хрестоматийными примерами «Мальчик вошел в комнату» и «В комнату вошел мальчик». Они не могут сказать, на какой вопрос отвечает предложение, где в нем коммуникативное ядро. Тексты перестают сообщать что-то конкретное. Их восприятие читателями и слушателями ограничивается вычленением общей темы. Например, текст «о каких-то паразитах». Что именно сказано об этих паразитах, не всегда можно понять, и читатель к этому не стремится. И вырабатывается новое восприятие текста: это набор фраз о чем-то.

Заключение

Не требует доказательства то, что мышление и язык неразделимы. И у поколений носителей русского языка, мышление которых формируется под влиянием бессвязных, безграмотных текстов, содержащих неточные и не сочетающиеся друг с другом слова, это мышление, как и восприятие мира, оказывается столь же фрагментарным, в нем отсутствуют логические и ассоциативные связи, и, по сути дела, в сознании человека не возникает ни концептуальной, ни, соответственно, языковой картины мира, которая бы была отражением национальной культуры.

В последние годы все более актуальной становится тема лингвистической безопасности страны. Чаще всего ее обсуждают в аспекте взаимодействия русского языка с другими языками, говорят о национально-языковой политике России в межгосударственных отношениях, направленной на повышение представленности русского языка и его статуса (в особенности в условиях глобализации), и т. д. (см., например, [Жигалев, Устинкин 2015; Халева 2006]). Угрозу устойчивости языковой составляющей геополитического кода видят и в нео-

правданных лексических заимствований из других языков (и в первую очередь из английского), вместе с которыми в нашу культуру проникают чуждые ей заимствованные концепты с их эмоционально-оценочной окраской, противоречащей нашим национальным ценностям. Но наряду с этим есть и внутренний аспект лингвистической безопасности, который требует не только пристального внимания, но и активных действий. Это расшатывание языковых норм в результате массового использования лингвистически неполноценных компьютерных переводов.

Рассматривая разные толкования терминосочетания «лингвистическая безопасность», Г.Н. Трофимова говорит о безопасности текста, понимая под этим «способность текста эффективно противостоять внешним угрозам и защищать содержание от двусмысленного толкования, защищать человека от воздействия вредных языковых единиц». При этом, по ее мнению, «по аналогии с экологической безопасностью здесь также необходимо установить значения предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных языковых единиц, которая при ежедневном контакте не может вызвать ухудшения морального или психического состояния или нанести вред или ущерб сегодня или в более отдаленные сроки» [Трофимова 2012, с. 27]. С этих позиций можно сказать, что концентрация вредных единиц в неотредактированных компьютерных переводах превышает все допустимые показатели.

В погоне за дешевизной и быстротой (т. е. опять-таки за выгодой) издатели и редакторы не только сами используют программы автоматизированного перевода. Работодатели все чаще говорят переводчикам, что им не нужны *хорошие* переводы. Им нужны *приемлемые* переводы (т. е. переводы, из которых можно понять общий смысл). И нужны быстро. Таким образом, они почти открытым текстом предлагают пользоваться автоматическими переводчиками и практически не дают времени на серьезное постредактирование полученных текстов. Необходимо ввести стандарты, нормы, которым должен соответствовать текст перевода, для того чтобы его можно было размещать в электронных и бумажных массовых изданиях. Если этого не сделать, процесс расшатывания языковых норм, в том числе норм текстообразования, приведет к необратимым последствиям: к деформации мышления и коммуникативных умений, к разрушению национальной языковой картины мира, а следовательно, и к нарушению устойчивости геополитического кода страны.

Библиографический список

Nord 2005 – Nord C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-oriented Text Analysis. Amsterdam: Rodopi, 2005. 274 p. DOI: <https://doi.org/10.7202/037160ar>.

Валгина 2003 – Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с. URL: [http://yanko.lib.ru/books/language/ru/%C2%E0%EB%E3%E8%ED%E0,%20%CD.%D1.%20%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%F2%E5%EA%F1%F2%E0.%20%CC%EE%F1%EA%E2%E0,%20%CB%EE%E3%EE%F1.%202003.%20%D0%E0%F1%EF.%20\(sl\).pdf](http://yanko.lib.ru/books/language/ru/%C2%E0%EB%E3%E8%ED%E0,%20%CD.%D1.%20%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%F2%E5%EA%F1%F2%E0.%20%CC%EE%F1%EA%E2%E0,%20%CB%EE%E3%EE%F1.%202003.%20%D0%E0%F1%EF.%20(sl).pdf).

Воркачев 2011 – Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 64–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17042010>.

Жигалев, Устинкин 2015 – Жигалев Б.А., Устинкин С.В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32–41. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=3033&printmode.

Земская, Качесова, Комиссарова, Панченко, Чувакин 2010 – Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Чувакин А.А. Теория текста: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010. 132 с. URL: http://linguistics-online.narod.ru/olderfiles/3/Zemskaya_Teoriya_teksta.pdf.

Петрова 2017 – Петрова О.В. Что мы делаем не так, или почему студенты так переводят // Проблемы теории, практики и методики перевода. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». 2017. Т. 2. Вып. 20. С. 88–95.

Самигулина 2010 – Самигулина Ф.Г. Концептуальная картина мира и специфика ее формирования // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 46–50. DOI: 10.5922/2223-2095-2010-2-7.

Сдобников 2015 – Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 492 с. URL: <https://docplayer.ru/25802659-Kommunikativnaya-situaciya-kak-osnova-vybora-strategii-perevoda.html>.

Трофимова 2012 – Трофимова Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2012, № 1. С. 24–29. URL: <http://rusexpert.ru/public/guild/18.pdf>.

Халеева 2006 – Халеева И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111. URL: <https://dnevnik.ykt.ru/ivanshamaev/713119>.

References

Nord 2005 – Nord C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-oriented Text Analysis. Amsterdam: Rodopi, 2005. 274 p. DOI: <https://doi.org/10.7202/037160ar>.

Valgina 2003 – Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text theory]. M.: Logos, 2003, 173 p. Available at: [http://yanko.lib.ru/books/language/ru/%C2%E0%EB%E3%E8%ED%E0,%20%CD.%D1.%20%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%F2%E5%EA%F1%F2%E0.%20%CC%EE%F1%EA%E2%E0,%20%CB%EE%E3%EE%F1.%202003.%20%D0%E0%F1%EF.%20\(sl\).pdf](http://yanko.lib.ru/books/language/ru/%C2%E0%EB%E3%E8%ED%E0,%20%CD.%D1.%20%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%F2%E5%EA%F1%F2%E0.%20%CC%EE%F1%EA%E2%E0,%20%CB%EE%E3%EE%F1.%202003.%20%D0%E0%F1%EF.%20(sl).pdf). [in Russian].

- Vorkachev 2011 – *Vorkachev S.G. Rossiiskaya lingvokul'turnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya* [Russian linguocultural conceptology: present situation, problems, vector of development]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2011, Vol. 70, pp. 64–74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17042010> [in Russian].
- Zhigalev, Ustinkin 2015 – *Zhigalev B.A., Ustinkin S.V. Lingvisticheskaya bezopasnost' kak faktor obespecheniya ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Linguistic security as a factor of ensuring the sustainable development of the Russian Federation]. *Vlast'* [The Authority], 2015, no. 10, pp. 32–41. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/3033> [in Russian].
- Zemskaya, Kachesova, Komissarova et. al. 2010 – *Zemskaya Yu.N., Kachesova I.Yu., Komissarova L.M., Panchenko N.V., Chuvakin A.A. Teoriya teksta: uchebnoe posobie* [Text theory: textbook]. M.: Flinta, Nauka, 2010, 132 p. Available at: http://linguistics-online.narod.ru/olderfiles/3/Zemskaya_Teoriya_teksta.pdf [in Russian].
- Petrova 2017 – *Petrova O. V. Chto my delaem ne tak, ili pochemu studenty tak perevodyat* [Where we are going wrong, or why our students translate the way they do]. In: *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda. Seriya «Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya»* [Problems of translation theory, practice and methods of teaching. Series «Language. Culture. Communication»], 2017, Vol. 2, Issue 20, pp. 88–95 [in Russian].
- Samigulina 2010 – *Samigulina F.G. Kontseptual'naya kartina mira i spetsifika ee formirovaniya* [Conceptual world-image and specific character of its formation]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], 2010, Issue 2, pp. 46–50. DOI: 10.5922/2223-2095-2010-2-7 [in Russian].
- Sdobnikov 2015 – *Sdobnikov V. V. Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii perevoda: dis. ... d-ra filol. nauk* [Communicative situation as a basis for choosing translation strategy: Doctoral thesis in Philology]. Nizhny Novgorod, 2015, 492 p. Available at: <https://docplayer.ru/25802659-Kommunikativnaya-situatsiya-kak-osnova-vybora-strategii-perevoda.html> [in Russian].
- Trofimova 2012 – *Trofimova G.N. Lingvisticheskaya bezopasnost': k probleme tolkovaniya* [Linguistic safety: interpretation aspect]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2012, no. 1, pp. 24–29. URL: <http://rusexpert.ru/public/guild/18.pdf> [in Russian].
- Khaleeva 2006 – *Khaleeva I.I. Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii* [Linguistic safety of Russia]. *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2006, Vol. 76, no. 2, pp. 104–111. Available at: http://www.ras.ru/publishing/rasherdrasherdrald_articleinfo.aspx?articleid=c9f9ef57-519e-46f5-addb-775075756896 [in Russian].